

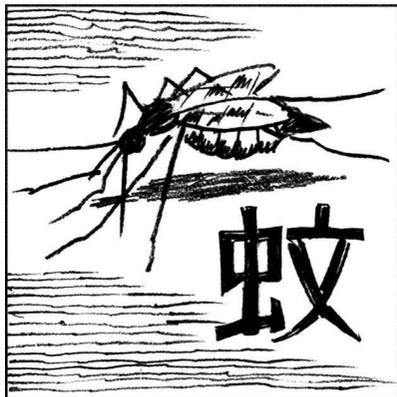
序幕

Пролог

ВЕЛИКИЙ ПАЦУМАСА

ВЕЧЕР РЭНГА

Мацумаса проснулся на несколько минут раньше обычного — над ухом нудел комар. Вот уже и лето, пора жечь сушеные лепестки хризантемы, подумал мастер. Москитных сеток он не любил, от них такая духота.

Маленький кровосос уселся лежащему на кончик носа, готовясь вонзить жальце. Тацумаса осторожно сдул насекомое, ибо никого нельзя лишать жизни, даже комара. Зевнул, с наслаждением потянулся. Смена времен года — это так приятно. Скоро природа умоется прозрачными «сливовыми» дождями, а потом покроется испариной жары, которая тоже по-своему прекрасна, ибо располагает к несуетливости.

Некоторое время Тацумаса просто любовался игрой теней на сёдзи. Они были пурпурными от заката, а в саду росла береза, и ее ветви слегка покачивались под вечерним ветром. Редкое белоствольное дерево, давний подарок одного самурая из северного княжества Мацумаэ, вытянулось кверху, поднялось над крышей и стало достопримечательностью всего Кидзитё, Фазаньего квартала. Усадьбу теперь называли Домом-под-березой, а ее хозяйина — «Сиракаба-но Тацумаса», «Березовым Тацумасой». Это имя ему нравилось.

Но вот со стороны улицы донесся звонкий перестук. Квартальный бантаро шел по улице, гремел своей колотушкой, извещая жителей о наступлении Часа Петуха. Пришло время вставать.

В коридоре под легкими, мелкими шагами жены запели доски «соловьиного» пола. Особый настил, по которому невозможно ступать бесшумно, окружал спальню со всех сторон. Никто не смог бы подкрасться к хозяину дома незаметно.

Зная, что муж уже проснулся, О-Судзу все же деликатно кашлянула за перегородкой и лишь потом ее отодвинула. Когда разогнулась после поклона, Тацумаса уже сидел на футоне.

— Добрый вечер. Как я рад тебя видеть, — улыбнулся он.

Это было правдой. Он всегда радовался, когда ее видел. Супруги жили каждый своей жизнью: жена — дневной, муж — ночной. Встречались они дважды в сутки — на закате и на рассвете. Радостной была каждая встреча.

Нежно улыбалась и О-Судзу. Из-за того что Тацумаса никогда не смотрел на нее при ярком свете дня, морщины на ее лице были почти незаметны, складки на шее едва видны, и жена казалась все такой же молодой. А ведь она была двумя годами старше. Они прожили вместе почти тридцать лет.

— На счастье, погода ясная. Значит, луна будет хорошо видна, — сказала О-Судзу после обычного приветствия и расспросов о сновидениях. — Вы ведь помните, что нынче у нас вечер поэзии. Угодно ли вам проверить, хорошо ли я всё приготовила?

Она поставила на татами лаковый таз с водой, и Тацумаса стал умываться. На вежливый вопрос он только хихикнул. Приготовления О-Судзу, к чему бы она ни готовилась, всегда были безупречны.

Ясное небо в полнолуние — драгоценный подарок. Как впрочем и облака, сквозь которые так волшебным просачивается небесный свет. Тацумаса радовался всякой погоде. Если, конечно, это не тайфун или цунами.

— Снова вечер рэнга? Превосходно! — Поэтические вечера в Доме-под-березой происходили раз в месяц, каждое полнолуние. Тацумаса любил эти праздники еще и за то, что они позволяли насладиться обществом О-Судзу дольше обычного. — Кто придет?

— Прислали подтверждение Орин-сан и сенсей Саяма. И на всякий случай я приготовила место для какого-нибудь нежданного гостя. Сегодня ведь последнее весеннее полнолуние, когда старым знакомым разрешается «упасть с неба» — прийти без объявления.

— Умница, что предусмотрела это, но уж совсем-то с неба никто не упадет, — засмеялся Тацумаса. — На обоих перекрестках дежурят ученики. Предупредят. Что произошло за день?

Сначала, как водится, жена рассказала про незначительное — про всякие домашние, хозяйственные мелочи. Тацумаса задавал вопросы, ему всё было любопытно, а больше всего нравилось слушать голос О-Судзу. Но в конце она сказала про важное: у ребенка наконец режется первый зуб. Давно пора бы, ведь малютке уже годик. Бедняжка сердится, бьет себя кулачком в щеку.

— Не плачет? — одобрительно молвил Тацумаса.

Сын у него был особенный: если что-то не так, грозно орал, а плакать не плакал. В шестимесячном возрасте отец нанес ему на животик родовую татуировку, красного дракона, — кроха весь извопился, но не уронил ни слезинки. Характер!

— Подожди минутку, я сейчас...

Мастер отлучился в уборную, но справил нужду без обычной неспешности, с созерцанием красоты сада, а наскоро. Не терпелось посмотреть на малыша.

Мальчик спал, хмурия лысые бровки. Он был само совершенство, просто маленький Будда.

— Левая щека действительно стала еще круглее правой, — залюбовался Тацумаса. И, поскольку расхваливать собственного сына неприлично, сказал: — Раньше он казался мне уродливым. Но теперь мальчишка все больше хорошеет, потому что делается похож на тебя. Не странно ли?

— Это неправда, и вам незачем это говорить, — усмехнулась О-Судзу, видя мужа насквозь. — Я и так люблю его всей душой.

У них была плохая карма с детьми. Восемь раз О-Судзу скидывала. Единственный ребенок, который родился живым, очень поздний, поманил счастьем, а принес горе. Три года назад, во время холерного поветрия, умер. И Тацумаса смирился с судьбой. Жена вышла из детородного возраста. Кровных наследников не будет. Что ж, значит, придется усыновить старшего ученика Данкити и передать Дело ему.

Но как-то раз О-Судзу сказала: «Данкити-кун старателен, он усердно постигает науку, но преемника из него не получится. Ос-

ваивая технику, он не понимает духа Китодо. Все-таки лучше, когда это родная кровь. И воспитывать преемника надо с младенчества». Супруга всегда понимала (или улавливала инстинктом — у женщин не разберешь) важные вещи раньше Тацумасы. Он и сам чувствовал, что Данкити не тот, кому можно доверить школу. Шустрого мальчишку основатель Китодо когда-то подобрал в слободе неприкасаемых — за смелость, за дворняжью цепкость, за жадный блеск в глазах. Но в десятилетнем возрасте перевоспитывать уже поздно. Дворняжка много чему научилась, но так дворняжкой и осталась.

«Ты права, — грустно согласился Тацумаса. — Но что тут поделаешь?»

«Поручите это мне, — поклонилась О-Судзу. — Я что-нибудь придумаю». Муж ни о чем ее не спросил, хоть и знал: когда она так говорит, значит, уже придумала.

Вскоре, вернувшись домой с работы холодным зимним утром, когда еще темно, Тацумаса залез под одеяло, обнял жену — и отпрянул, потому что руки нащупали незнакомое тело, горячее и твердое. Кто-то испуганно дышал в темноте, блестел влажными глазами.

В страхе — не кицунэ ли прокралась в постель — Тацумаса бросился вон из комнаты и за порогом наткнулся на О-Судзу.

«Сделайте это ради меня, — низко поклонилась жена. — Просто представьте, что это я. Всё равно ведь темно, а после она сразу уйдет».

Таких ночных, верней, предрассветных встреч было еще три, с перерывами в месяц. Потом супруга сказала: «Всё хорошо. Теперь только молиться богине Каннон».

Девушка, лица которой Тацумаса так и не увидел, а имени так и не узнал, родила двенадцать месяцев назад, в первый год эры Мангэн. Дитя роженице не показали, чтобы не доставлять ей лишних страданий, а сразу унесли и передали кормилице. Мать же отправилась обратно в деревню, получив за работу щедрое вознаграждение, пять золотых рё — будет богатой невестой. А в Доме-под-березой поселилось счастье.

Тацумаса ласково приоткрыл младенцу губки, сунул в ротик палец, пощупал десну. Когда сын спал, разбудить его было невозможно.

— Правда зуб! — прошептал мастер, блаженно жмурясь. — Острый, как у тигра.

— Ара! — всплеснула руками О-Судзу. — Скоро придут гости, а я, бестолковая, забыла почернить зубы! И вам нужно одеться. Я приготовила вам темно-синее кимоно в цвет ночного неба и хари с серебряным узором в цвет луны.

* * *

Убранство гостиной было идеальным для поэтического вечера, пришедшегося на поздневесеннее полнолуние. Свечи освещали только стол, чтоб не соперничать с небесным сиянием, когда придет время открывать сёдзи в сад. На столе — письменные принадлежности, табак и трубки, а также сезонное угощение: рисовые пирожные, мармелад в виде цветков сакуры и яблони, кувшинчики и чашки для сакэ. Благовонные палочки источали тонкий, неназойливый аромат свежей травы. Из деревянной лаковой клеточки доносилось умиротворяющее пение сверчков.

Первым, ровно с наступлением Часа Собаки, прибыл неизменно пунктуальный Саяма, знаменитый врач по внутренним болезням. Он всегда ходил пешком, в сопровождении двух слуг: один нес фонарь, другой зонтик. Время дождей еще не наступило, но сенсей без зонта из дому никогда не выходил, он был человеком твердых привычек. Приношение к столу Саяма вручил сам: парчовый узелок, в нем стеклянная банка с чем-то бордовым.

— Это засахаренная клубника, называется «дзямү». Я ездил за ней в Ёкохаму. Там открылся «хотэру», гостиница для иностранных моряков, и при ней есть лавка. Столько всего интересного! Попробуйте, попробуйте!

Ему не терпелось угостить хозяев заморским деликатесом. Сенсей был знатоком голландских наук и любителем всего чужеземного, человеком экзотических суждений и, случалось, нес ужасную чушь. Например, всерьез утверждал, что у ёкохамских варваров тоже есть своя культура, а не только арсенал технических трюков. И все же Тацумаса относился к чудаку с почтением. Саяма был достойнейший человек, только немножко утомительный. В стихосло-

жении он, увы, мало что смыслил, но считал себя выдающимся поэтом и не пропускал ни одного вечера рэнга.

Тацумаса обмакнул палочку в подозрительную липкую массу, гадливо облизнул. Вкус и цвет у пресловутого «дзямю» был ужасающий: будто муха нажралась сахара и ее потом вырвало кровью. А учтивая О-Судзу поела и похвалила. У доктора от удовольствия глаза под толстыми стеклами, и так огромные, выпучились еще больше.

Потом прибыла в паланкине госпожа Орин — как всегда, ярко, шумно и празднично, в сопровождении разноцветных фонариков, под звон дорожных колокольчиков. Несли ее не мужчины, а крепкие носильщицы в нарядных кимоно. Такое уж у этой гостьи было ремесло — восхищать и поражать. В дневное время за ее кортежем обычно следовали зеваки.

Орин-сан была самой знаменитой куртизанкой веселого квартала Ёсивара. За ночь с ней клиенты платили неслыханные деньги — по три рё, да она еще была и разборчива, принимала лишь тех, кто ей нравится.

Отношения со звездой «ивового мира» (так издавна называлось искусство покупной любви) у супругов тоже были давние. Несколько лет назад О-Судзу вдруг забеспокоилась, что их любовь стала чересчур пресной, и отправила мужа к прославленной мастерице за наукой. Тацумаса провел в гостях у Орин волшебную ночь, потом всё в подробностях пересказал жене, и после этого их любовная жизнь очень украсилась. Из благодарности О-Судзу пригласила куртизанку на поэтический вечер, и та сделалась постоянной гостьей.

Орин-сан была само очарование. С ее приходом гостиная будто озарилась радугой, наполнилась мелодичными звуками. Они изливались из куртизанки, будто из музыкальной шкатулки. Смеялась ли она, издавала ли восклицания или просто говорила — всё получалось диво, а когда в беседе возникала пауза, Орин подносила к губам маленькую флейту, всегда лежавшую в рукаве кимоно, и наигрывала что-нибудь короткое, прелестное.

Больше сегодня никого не ждали. Вечер рэнга, «цепляющихся строк», начался.

По правилам, установленным в Доме-под-березой, вначале хозяин наугад доставал листок из колоды карт «Сто стихов ста поэтов» и

Вечер рэнга

зачитывал первые три строки какой-нибудь классической танка. Второй участник заканчивал пятистишье, экспромтом меняя две последние строки. Третий отталкивался от этих двух строк, присоединяя к ним собственное трехстишье. Четвертый прицеплял к трехстишью свои две строки. Так по кругу — три строки, две, три, две — и заплеталась рэнга, под неспешные разговоры, под сакэ, под любование луной.

На карте, которую вынул Тацумаса, оказалось стихотворение Фудзивары Асатады. Придворный кавалер, живший девять веков назад, оставил потомкам горькие строки:

*Ах, если б в жизни
Ни с кем я не сближался,
Не ведать мне бы
Отвращенья ни к людям,
Ни к собственной персоне.*

Тацумаса переписал три первые строки на бумагу своим превосходным, щегольским почерком, потом продекламировал вслух. Концовку, конечно, опустил, но ее и так все знали.

Саяме как гостю-мужчине надлежало сочинять первым. Он окунул кисточку в тушь, забормотал: «Не ведать мне бы, не ведать мне бы...» Помогая ему войти в поэтическое настроение, Орин заиграла на флейте «Ветер в тростниках».

— Вот, готово! — воскликнул сенсей. — Послушайте.

*Ах, если б в жизни
Ни с кем я не сближался,
Не ведать мне бы
Зараз, что переносят
Брызги слюны больного.*

— Западные медики установили, что зараза передается воздушно-капельным путем, — пояснил он и засмеялся, очень собой довольный.

Куртизанка шутливо стукнула его веером по запястью.

— Ара! Как вульгарно! Сиракаба-сама, спасайте стихотворение. Нужно что-нибудь возвышенное, весеннее!

Тацумаса поклонился, секунду подумал. Кисть размашисто прошлась сверху вниз.

*...Зараз, что переносят
Брызги слюны большого
Страшусь я меньше,
Чем аромата азалий —
Он навевает...*

Этот прием, очень удобный для следующего участника, назывался «стрела на тетиву»: бери и стреляй в любую мишень. Орин — теперь был ее черед — оценила галантность, с поклоном отложила флейту, картинно приподняла правый рукав, дав всем полюбоваться умопомрачительным запястьем. Без малейшего колебания написала:

*Он навевает
Томленье о том, кого
Мне встретить не суждено...*

О-Судзу — она сидела не за столом, а чуть в стороне, готовая подливать сакэ в опустевшую чашку, — восхищенно вздохнула. Профессия Орин придавала вроде бы банальным строкам тонкий и глубокий смысл, намекая на то, что куртизанка не просто торгует своими ласками, а находится в вечном поиске идеальной любви, найти которую уже не надеется.

— Теперь прошу вас, — попросила Орин хозяйку. — Сакэ мужчинам буду наливать я.

Та поотнекивалась, потом согласилась и тоже села к столу. Это был всегдашний ритуал.

О томлении О-Судзу написала вот что:

*...Улетай прочь,
Как под ветром лепесток,
Вслед за юностью.*

Это был намек на то, что Орин еще совсем молода, потому и томится несбывшимся. Куртизанка поняла и поблагодарила покло-

ном. Вдвоем, без мужчин с их грубым воображением, рэнга у них получилась бы много изысканней.

Доктор схватил листок.

— Моя очередь!

И запыхтел:

— Юность, что делать с юностью?.. «Которая...» Нет, «Которой не жаль. Потому что умный человек...» — Стал считать слоги: должно было получиться пять, потом семь, потом снова пять. — Нет. «Ибо умный человек...» Да, вот так. Каково, а? Пожалуйста!

*...Которой не жаль,
Ибо умный человек
Ни о чем не жалеет.*

— Будто молотком по наковальне. После такого и добавить нечего. Голландоведение не идет вам на пользу, — наморщила носик Орин. Она Саяму вечно поддразнивала, это всех веселило. — Господин Береза, выкручивайтесь. А я вам сыграю «Водовороты под луной». Кстати, не пора ли раздвинуть ширмы? Мне кажется, в саду уже светло.

Но сёдзи приоткрылись со стороны прихожей. В щель заглянул Данкити, который сегодня встречал гостей и заботился об их слугах. По лицу ученика Тацумаса понял: что-то произошло. Извинившись, он вышел.

— Учитель, сюда направляется паланкин Касидзавы! — зашептал Данкити. Его худое горбоносое лицо казалось застывшим. Парень он был нервный, очень старался себя сдерживать и в минуты волнения делался просто каменный. — Караульщик прикинулся, что на рогатке заело засов. Это их ненадолго задержит.

С Тораэмоном Касидзавой, советником его светлости Южного Губернатора, у мастера отношения были очень непростые. Внезапное ночное появление человека, который столько лет мечтал упечь Тацумасу за решетку, было событием тревожным.

— Касидзава-доно со стражниками или только со слугами?

— Ребята про стражу ничего не говорили, — ответил Данкити, и Тацумаса немного успокоился.

— Пойди, помоги караульщику открыть запор. Неудобно заставлять такого человека ждать.

Фазаний квартал на ночь запирался с обеих сторон, а караульные были людьми преданными.

Но выполнять распоряжение ученику не пришлось. В калитку уже входил Касидзава. Когда требовалось, он обходился без церемоний: просто вылез из носилок и прошел двести шагов пешком.

— А-а, вы вышли меня встретить? — сказал он. Мрачное лицо чуть тронула усмешка. — Право, не стоило беспокоиться. Ничего, что я без приглашения? Сегодня ведь можно? Мы старые знакомые, в небе полная луна, и я тоже люблю стихи. Сейчас время Северного управления, и у меня много свободного времени, — продолжил Касидзава, вынимая из-за пояса длинный меч и передавая его Данкити. С коротким мечом господин советник никогда не расставался. — Можно и отоспаться, и заняться любимыми досугами. Благодарить!

Столичным городом Эдо управляли два губернатора-бугё, Южный и Северный, но свои полномочия они делили не по территории, а по времени. Месяц начальствовал один бугё, месяц — другой. Эта система позволяла избегать злоупотреблений, неизбежных при единоличной власти. Конечно, из-за этого вдвое увеличивался штат чиновников, но в городе жило множество самураев, которых нужно было занять работой.

Про Тораэмона Касидзаву, формально занимавшего скромную должность советника, все знали, что настоящим губернатором является он, а не его высокородный и праздный начальник.

Замечание о «любимых досугах» мастера насторожило. У них с Касидзавой шла давняя игра в кошки-мышки: один ловил, другой ускользал. Оба получали от этого сложного балета удовольствие, но для мышки он мог окончиться печальнее, чем для кошки. Правда, господин советник всегда играл по правилам, а это значило, что Тацумасу ему никогда не одолеть. Настоящий мастер не совершает ошибок.

И всё же Касидзава явился неспроста. За что-то уцепился? Неужто остался какой-то след после новогоднего визита в сокровищницу ссудного дома «Цуцуи»? Если и так, советник сразу не скажет — он человек хорошего воспитания.

Не стал торопить события и хозяин.

— А вот и «упавший с неба» гость, дорогой гость. Ты хорошо сделала, что приготовила для него место, — похвалил Тацумаса жену и представил советника другим гостям.

Оказалось, что Касидзава наслышан об обоих. Оно и неудивительно. Про господина советника говорили, что он знает каждого из миллиона двухсот тысяч эдосцев. Конечно, это преувеличение, но Касидзава знал всех, кого стоит знать. И знаменитый доктор, и прославленная куртизанка несомненно входили в эту категорию.

По правилам «упавший с неба», да еще явившийся с опозданием, в качестве штрафа должен был дописывать стихотворение без подготовки и не заглядывая в правую часть листка. Поэтому Орин, на сей раз обнажив оба белейших запястья, завернула край свитка и с поклоном подала его Касидзава.

Отпив сакэ, господин советник одним глазом покосился на кривоватый почерк Саямы.

— «Умный человек ни о чем не жалеет»? Значит, я дурак. Только и делаю, что сокрушаюсь о своих ошибках. Позвольте-ка...

И вывел скользящей скорописью:

*Кроме потерянного
На пустяки времени.*

Тацумаса поймал быстрый взгляд жены. Взгляд означал: «У него срочное дело. Это не к добру». Поняла намек и Орин — это было частью ее искусства.

Она покачнулась, прикрыла лицо рукавом.

— Ах, у меня в последнее время такие тяжелые месячные! То мутит, то тошнит, то вдруг спазмы в голове. Очень стыдно портить праздник, но, боюсь, мне придется вас покинуть. Доктор, пожалуйста, отведите меня к паланкину. Я обопрюсь на ваш локоть.

Тацумаса как хозяин тоже пошел провожать занемогшую гостью, встав с другой стороны и подставив не локоть, а плечо — он был мал ростом, ниже госпожи Орин.

Во дворе куртизанка, конечно, упростила сенсея отправиться к ней в особняк для врачебного осмотра. Сам доктор при его бестактности и любопытстве нипочем бы не ушел. Он попытался отговориться, сказавши, что, судя по цвету ногтей, зубов и белков глаз,